

Основные противоречия дискурса модерности

Идея модерности (современности) зарождается в 15 – 16 веках, ее возникновение связано с разрывом с традиционным обществом, идеями автономии и рационального освоения мира. Реализация идеи модерности связана с процессом модернизации, в ходе которого должны формироваться основные институты модерности: либерально – демократическое общество, рыночная экономика, автономные институты, генерирующие знание, основанное на эмпирической науке. Идея модерности заключается в реализации таких форм социального устройства. Когда они достигнуты, общество начинает считаться современным и для его стабильного существования не необходимы дальнейшие значительные трансформации. Однако, идея модерности, появившись в определенное время, превратилась в проект, наиболее полно на сегодняшний день воплощенный, прежде всего, в США и странах Западной Европы. Проект модерности характеризуется стремлением к универсальности, то есть предполагается, что все существующие общества будут модернизированы определенным образом и обретут соответствующие черты. При этом, те общества, в которых нет подобных институтов или они недостаточно развиты, рассматриваются как не современные или традиционные.

Это одна из позиций рассмотрения модерности в современной науке, по сути, являющаяся основной. То есть модерность рассматривается, прежде всего, с точки зрения наличия в обществе определенных институтов. Однако исследователи часто улавливают противоречивость институтов модерности, что дает основания для

построения новых теорий в анализе современности. Данная статья посвящена рассмотрению основных противоречий между идеями, которые определяют понятие современности.

Основными идеями модерности являются идеи автономии и рациональности. Автономия предполагает, что человек свободен и сам создает законы [8, 9, 11, 12]. Рациональность подразумевает принципиальную познаваемость человеком мира. В идеологии Просвещения разум и свобода представляли собой непротиворечивое единство. «Здесь соединялись вера в способность разума к постижению мира и убеждение в способности преобразования жизни в соответствие с принципами разума» [8. С. 318]. Эти два принципа тесно связаны, в свою очередь с идеей разрыва, который отделяет современность от традиционного общества. Автономия подразумевает, что человек или общество сам или само может выстраивать законы своего существования. Они более не мыслятся как данные извне, чужой волей. «Внесение «света разума» во все сферы жизни означает прежде всего пересмотр традиций, верований, мифов, иллюзий предрассудков, их прояснение и обнаружение в самих основаниях познания и деятельности» [8. С. 319]. Распространение «света разума» неотделимо от завоевания свободы. Разум и свобода воспринимаются как высшие ценности, к которым человек должен стремиться, через которые он сможет реализовать себя как личность, на которых должен строить свою жизнь. «Разум выступает еще как единство средства (познание и преобразование мира), цели (торжество разума во всех сферах жизни) и ценности» [8. С. 319]. Свобода понималась как освобождение разума, его развитие и распространение. Просвещенный разум должен сыграть важную роль в устройстве разумного и свободного общества.

Однако на самом деле понятия свободы и автономии не так непротиворечиво соотносятся с понятием рациональности. Рациональность подразумевает «соответствие некоторым законам разума, стандартам и нормам «разумной» деятельности» [6. С. 298]. То есть на самом деле, поступая рационально, человек не действует свободно, он лишь воспроизводит определенные нормы поведения, при этом его индивидуальные качества как автономного субъекта действия могут не учитываться. Более того, как индивидуальные различия, так и сама автономия индивида могут противоречить рациональности и мешать ее реализации.

Если перенести эти рассуждения на сферу общественных отношений, то можно получить следующее. Модерность подразумевает автономию и индивида, и общества. Автономия общества – это его право на самоопределение, его способность определить и разработать то пространство, в котором оно существует. Автономия индивида в обществе модерности закреплена в его правах, автономию общества гарантируют институты демократии. Институты в данном случае являются рациональной структурой, которая должна охранять автономию. Но институты – это то, что обуславливает, определяет автономию, свободу, а значит, ограничивает их, ставит в рамки, дисциплинирует определенным образом и в этом смысле противоречит им. Идею противопоставления автономии общественным институтам можно встретить, например, в работе Касториадиса «Воображаемое установление общества», где автор мыслит автономию как власть сознательного над бессознательным и говорит, что автономии угрожает отчуждение, выраженное в институционализации. Рациональность можно рассматривать как некое бессознательное действие. В том плане, что она представляет собой некоторый естественный процесс, стандарты которого

опираются на «знание вещей, явлений и аккумулируют в себе опыт прошлой успешной деятельности» [6. С. 305]. То есть институты с одной стороны как бы обеспечивают, узаконивают свободу, с другой, контроль над автономией обесмысливает само это понятие.

Противопоставление автономии институтам и рациональному устройству мира порождает более глубокое противоречие внутри самой автономии. Как говорилось выше, автономия мыслится как индивидуальная и как автономия общества. Но эти два ракурса также взаимно противоречивы. Автономия индивида, будучи самозаконием во всех сферах жизни выражается в его либеральных правах. Либерализм – индивидуалистическая система, которая ставит человеческую личность, ее права превыше всего. Целью либерализма является расширение возможностей человеческой личности развиваться беспрепятственно. Конечно, либерализм предполагает создание объективного правового порядка, но все же личность стоит на первом месте и ценность общественных групп и учреждений измеряется исключительно тем, в какой мере они защищают права и интересы отдельного человека [4].

Автономия индивида важна для модерности, но точно так же модерность постулирует и ценит общность, которая охраняется демократией. Демократия, как известно, представляет собой государственно-политическое устройство, основанное на признании народа в качестве источника власти, на принципах равноправия, власти большинства, защиты прав и свобод... Но она не всегда обращается к интересам отдельного человека и может даже подавлять их, как раз в силу своих основных принципов – власти большинства и равноправия. О противоречиях демократии и индивидуальной свободы писали еще Дж. С. Милль и А. де Токвиль. В самом начале трактата «О свободе» Милль замечает: «теперь видно, что слова

«самоуправление», «власть народа» не выражают подлинной свободы, народ может захотеть подавить часть своих сограждан, и нужно защищаться от этого как от любого злоупотребления властью» [5. С. 10]. И далее: «Но мыслящие люди поняли, что общество само по себе тирания над отдельными личностями и возможность угнетать не ограничивается действиями чиновников. ... Законов против тирании чиновников недостаточно; нужна защита от тирании господствующих мнений и чувств, от стремления общества навязать свои идеи как правила поведения» [5. С. 11].

Похожие рассуждения можно встретить и в известной «Демократии в Америке»: «Вслед за идеей единой и централизованной власти в эпоху равенства в умах людей почти произвольно зарождается идея единого законодательства. Поскольку каждый человек мало чем отличается от своих соседей, он не понимает, почему закон, применимый к одному из них не может быть распространен на всех остальных... . Поэтому единообразие законов представляется людям важнейшим условием хорошего правления» [7. С. 482]. Но «по мере уравнивания у того или иного народа условий существования отдельные индивидуумы мельчают, в то время как общество в целом представляется более великим, или, точнее каждый гражданин, став похожим на всех других, теряется в толпе... . Все это, естественно, порождает у людей эпохи демократии очень высокие представления об общественных прерогативах и чрезмерно скромное о правах личности. Они легко соглашались с тем, что выгода первого из них – все, а интересы личности – ничто. Они охотно мирятся, что власть, олицетворяющая собой все общество, несет в себе больше мудрости и знания, чем любой из людей, составляющих это общество...» [7. С. 482].

Можно так же отметить, что право гражданина на соучастие в управлении еще не гарантирует ему право на свободу в других сферах жизни. Напротив, широко распространенная подмена права на соучастие правом на самоопределение может стать угрозой свободе. «Хотя либерализм и выдвигает требование последовательной правовой государственности и одновременно является условием легитимной формы демократического устройства, само «примирение» свободы и демократии представляется чрезвычайно сложным духовным и политическим выбором» [1].

Реализация установок модерности предполагает создание высшей формы социальной организации, подразумевается, что все ее компоненты успешно связаны друг с другом и работают на осуществление главной ценности – автономии. Но на самом деле оказывается, что они находятся в достаточно противоречивых отношениях: автономии и рациональности, автономии индивида и автономии общества, то есть либерализма и демократии.

Противоречива не только сама автономия, но так же и путь ее достижения. Ведь ее реализация напрямую связывается в модерности с процессом модернизации. Получается, что для свободы, своезакония выбирается и предписывается какой-то определенный путь. Причем путь, которым развиваются западные цивилизации. Модерность, будучи широкомасштабным проектом, стремится преодолеть время и пространство, но это проект именно западного общества, именно там он зарождается. Под современными как правило подразумеваются западные общества, а под модернизацией – переустройство на западный манер. «...Модерное (современное) общество стало *нашим* обществом (хоть в XVII, хоть в XX вв.), то есть обществом, в котором живем мы. Символом модерна как современности стало общество западное, наиболее сильно отличающееся от пред-

шествующих или иных (что стало почти синонимами) обществ. Такая эволюция термина и определила характеристики модерна. «Модернизировать» стало означать «вестернизировать» [3. С. 17].

Такая противоречивость динамики модерности с одной стороны проблематизирует его понимание как феномена в целом, оказывается, что его не достаточно описывать просто как, например, набор институтов; с другой стороны, противоречивость говорит о множественности способов его понимания, о множестве возможных интерпретаций его компонентов и их соединения, о различных способах реализации формы современности. «Сам термин «modernity», «современность» очень трудно перевести в какую-то систему структур, институциональных механизмов, как некую модель, которую должны исследовать. Скорее всего, «современность» – это открытое пространство интерпретаций. И такие ключевые вещи, как разум, как некое разумное соотнесение себя с миром и открытость пространства интерпретаций предполагает, что могут быть самые разные интерпретации, и может быть плюрализм современности, а не одна единственная ее форма» [2].

Внутреннюю противоречивость можно рассматривать как основу для иного понимания современности, а именно – множественности вариантов современных обществ, отсутствие какой-либо одной формы организации человеческих отношений. Возможно множество вариантов культур, в которых бы соединялись элементы модерности.

Список литературы:

1. Будилина Т. В. Демократический способ властвования в либеральных политических учениях XIX века. URL:

<http://kraspubl.ru/content/view/21/1/> (дата обращения 21.04.2009).

2. Вагнер П. Доклад, прочитанный на конференции «Поворотные точки исследования и мировой порядок» 26 октября 2002 г. URL: <http://www.igrunov.ru> (дата обращения 04.05.2009).
3. Кумар К. Модерн // Контексты современности. Казань, 2001.
4. Леонтович В. В. История либерализма в России 1762-1914. М., 1995.
5. Милль Дж. С. О свободе // Наука и жизнь. 1993. № 11.
6. Никифоров А. Л. Отношение рациональности и свободы в человеческой деятельности // Рациональность на перепутье. М., 1999.
7. Токвиль А. де. Демократия в Америке. М, 1992.
8. Хабермас Ю. Модерн – незавершенный проект // Вопросы философии. 1992. № 4.
9. Хабермас Ю. Философский дискурс о модерне. М., 2003.
10. Черткова Е.Л. Свобода и рациональность // Рациональность на перепутье. М., 1999.
11. Wagner P. Modernity as experience and interpretation: a new sociology of modernity. Cambridge. UK, 2008.
12. Wagner P. A Sociology of Modernity. Liberty and Discipline. London and New York, 1994.